

18+

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Рассказы
и притчи
От Кóты и
Сени Скорпиона

Александр Сеньгин

Александр Сенягин

**Чёртова дюжина. Рассказы
и притчи от Коты
и Сени Скорпиона – 13**

«Издательские решения»

Сенягин А.

Чёртова дюжина. Рассказы и притчи от Коты и Сени
Скорпиона – 13 / А. Сенягин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648616-4

Меня ещё помнят тени этого города. Когда я иду по улице, пляшущие фонари еле видимо сгибаются в поклоне, а пасти домов гулко отвечают моим тяжёлым ботинкам. Зачем я приехал сюда? Деньги, известность... Что может пожелать живущий под солнцем... Возможно, только тех старых теней. Теней моей памяти... Иллюстрации — из рабочих тетрадей автора.

ISBN 978-5-00-648616-4

© Сенягин А.
© Издательские решения

Содержание

КАМИН	9
НА ДОРОГЕ	11
БОРИС	12
НА МАДАГАСКАРЕ (Из рассказов Коты)	15
ВЕСЕННИЙ РАССКАЗ (Из рассказов Коты)	16
ПРО МУЗЫКУ (Из рассказов Коты)	17
ТАЛЛИН	19
КОНЕЦ СВЕТА	23
ПРО КОТОЕДА (Из рассказов Коты)	26
НА РЫБАЛКЕ (Из рассказов Коты)	28
REAL LIFE 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чёртова дюжина Рассказы и притчи от Коты и Сени Скорпиона – 13

Александр Сенягин

Редактор иллюстраций Марина Бормосова

© Александр Сенягин, 2024

ISBN 978-5-0064-8616-4 (т. 13)

ISBN 978-5-0064-7740-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Старый, пустой песок безлюдного
берега. Лишь тихо, вкрадчиво ластятся
волны, как будто поглаживая тонкую
полоску берега. Сзади, за поросшими
осокой дюнами спрятался маленький домик.
Здесь в этом доме я теперь буду жить.*

*Будут плестись прозрачной чередой
года по Балтийскому берегу, будет
восходить и скрываться неутомимое
солнце – что в том, я получил в награду
вечность, я теперь вне времени,
так же как море, дюны и маленький
домик позади меня.*

*Но только кто мне подскажет, почему,
по какому праву стоит около спокойной
воды беспокойный человек и так не хочет
оглядываться назад.*

КАМИН

За окном – нарисованный пейзаж. Прикоснёшься к нему руками, и он растворится. Плачущие деревья, сумеречное свинцовое небо, чёрный от дождя деревянный забор – всё задрожит и исчезнет. И останется только пустая рама окна.

*Осень грустная
Что несёшь ты мне?*

Нет, ничего. Просто ничего и всё.

Я устало поднимаюсь с кресла, подхожу к камину и долго и задумчиво гляжу на огонь. Что может принести осень, кроме голодной усталости тоскливых бесконечных вечеров? «Наступила темнота, не ходи за ворота, кто на улицу попал, заблудился и пропал». Я вот и дома пропадаю.

А когда стемнеет, будет ещё хуже, исчезнет время, померкнет нарисованный пейзаж за окном, и всё вокруг станет окончательно чужим.

Мечущийся огонёк в камине едва освещает комнату. Блики пламени рисуют причудливые орнаменты на стене. Но стены немые, немые, как ночь за окном.

А я всё жду. И буду ждать всю ночь, хотя знаю, что всё напрасно, ты не придёшь никогда, ни сегодня, ни завтра, ни даже через год.

*Всё в полночи растерялось
Будто вовсе не случилось*

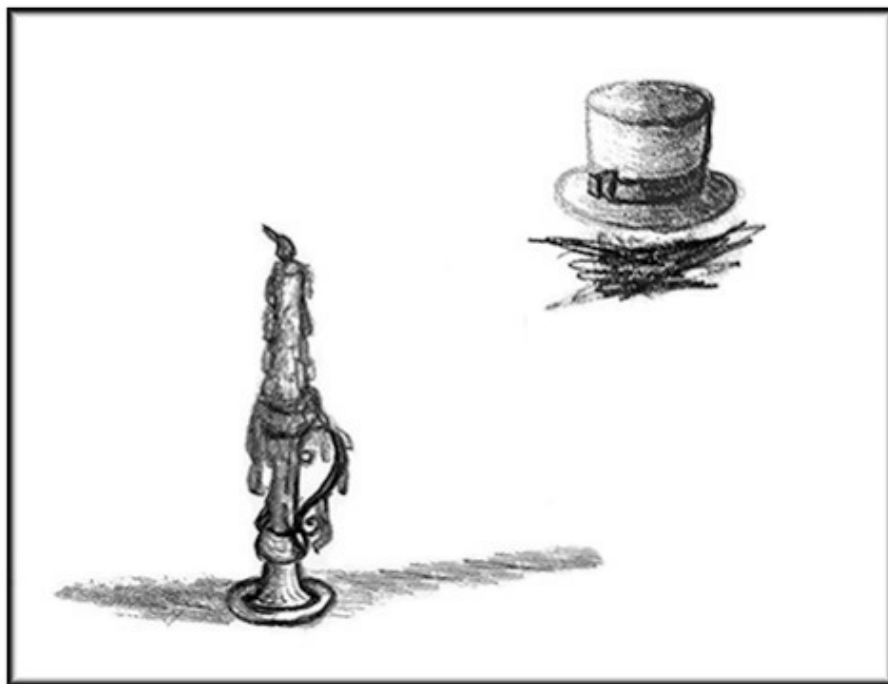
Вот так. Каждый вечер я слушаю осень, слушаю дожди и ветры – нет ли каких новостей? Молчат ветры и дожди, молчит осень, не слышно шагов на пустой улице.

Какова же ирония судьбы! Ты любила деньги – у меня теперь много денег, ты любила комфорт – вокруг меня изысканнейшая обстановка. У меня есть всё, что считается верхом счастья у окружающих. У меня нет лишь тебя. А это, к сожалению, основное.

Тихо скончался день. Не осталось даже памяти. Да и зачем?

Нет, не раздадутся шаги на лестнице, не откроется робко дверь, и только день за днём, однообразно и бесконечно будет умирать нарисованная природа за окном, и так же нудно и тоскливо вместе с ней буду умирать я.

А когда однажды утром просыпается белый снежок, и радостно засветятся твои глаза, тогда в моей комнате появятся незнакомые люди, снимут шляпы, и, может, кто-нибудь догадается погасить еле тлеющий огонёк в камине и поставить чёрное кресло в угол комнаты.

НА ДОРОГЕ

Он повстречался на рассвете. Сидел на камне и курил рассохшуюся трубку. Увидев меня, замахал рукой. Странно было видеть неотчётливую фигуру возле дороги, как будто вышедшую из другого времени.

– Путь далеко держишь?

– В Уфу.

– Не близко.

– Бог милостив, доберусь, – ответил я, глядя на светлеющую полосу горизонта.

Потом присел рядом и втянул ноздрями трубочный дымок. Курево кончилось ещё вчера вечером. Он молча протянул трубку. Табак был пряный, пахнувший полевыми цветами. Мы делали неторопливые затяжки, передавая трубку друг другу.

– Думаешь, что найдёшь что-то там?

– Вряд ли.

– А вдруг найдёшь?

Я замолчал на минуту и затем брякнул то, что не совсем хотел говорить:

– Пойду дальше.

Он по-прежнему сидел на камне, но глядел уже не на меня, а чуть выше и в сторону, будто автострада за моей спиной изогнулась к небу.

– А что, – спросил я, улыбнувшись, – есть место, где всё хорошо?

Он погладил бороду, которая была намного длиннее моей:

– Об этом тебе ещё рано знать. А помощь нужна будет – проси.

– У кого?

– У Николая...

* * *

Авантюристы. Искатели приключений. Уходят в сумрак корабли к хмурому океану. Пять из них не вернутся. Шестой придёт, гружённый золотом. Есть шанс.

Миллионы лет приручали огонь. Зародыш ада в чугунной бутылке корабельного орудия. Кому-то он достанется первым. Есть шанс.

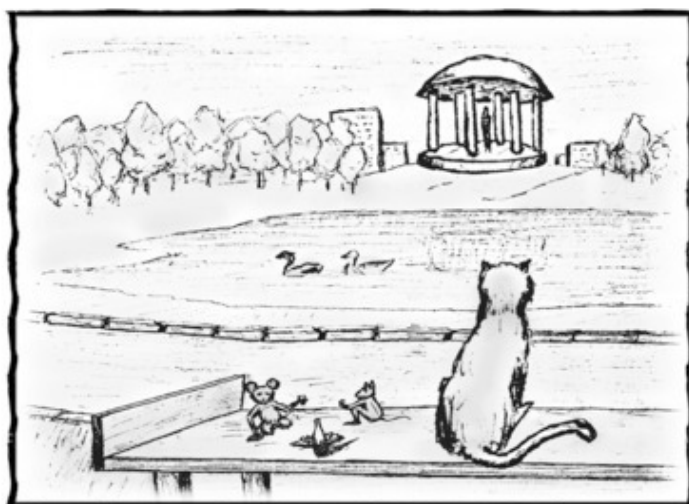
Кто-то сдохнет от голода, кто-то – от болезней. Это пустыня без дна. На скрипучем острове нет места жалости. Только не падай за борт. Есть шанс.

А ну, собаки, готовь крючья! Не будет пленных. Одни спляшут на палубе, другие – на рее. Кто-то испьёт вина, кто-то хлебнёт солёной водички. Есть шанс.

Один приплыл вверх килем. Пятый пугает птиц на рее. Желтеют кости на проклятых островах. Искатели приключений. Авантюристы. Но пока жив – есть шанс.

БОРИС

Борис залез на толстую ветку, уселся поудобнее, обмотавшись хвостом, и не торопясь принялся изучать окрестности. Вдали темнел угрюмый и чуть настораживающий лес, из которого вылезали пушистые облака. Постоянно меняя форму, они принимались за своё долгое путешествие по светло-голубому необъятному своду. Борис даже улыбнулся, насколько одно облако напомнило соседскую собаку. Но бледная тучка скоро разделась на две части, и небесный пёс растворился, не оставив после себя воспоминаний.

Мелкая птичка запрыгала по тротуару, как будто исполняя какой-то только ей ведомый танец. Хорошо бы было её сцапать, но она находилась слишком далеко. На всякий случай Борис замахал лапами, приманивая её поближе. Пичуга не обратила на это никакого внимания, продолжая свои забавные прыжки.

А рядом чуть слышно гудели насекомые, перелетая между жёлтыми цветами, чуть клонившимися под ярким полуднем. Борис вспомнил вчерашний очень яркий сон, в котором он был человеком, заведовавшим различными предметами, среди которых был холодильник с очень вкусными рыбками. В общем, весьма неплохо быть человеком, хотя его размеры не позволяли стремглав пронестись по комнате, запрыгнуть на диван и, кувыркнувшись, развернуться, воинственно мяукнув побежать до двери на кухню. Зато можно было листать шуршащие бумажки на столе и переставлять мелкие предметы, как тебе хочется. И ещё можно пускать причудливые облака из белой тлеющей палочки.

...Борис проснулся от солнечного зайчика, скользнувшего по его лицу. Не сразу открыл глаза, уж больно симпатичный сон пригрезился. Так неплохо быть серым и беззаботным котом, восседать на ветке, неторопливо озирая окрестность.

* * *

И вот ещё одна осень. Ветер гонит рваные тучи, срывает листья, водит дикие хороводы на площадях мокрого, заплаканного города. И лица прохожих уже не летние – более строгие, тихие, печальные. Скоро, ой как скоро осыпет нас осень пригоршнями грустного золота, как будто попытается сказать: «Смотрите, вот вам плата за летнее счастье, кажется, так много, а всё равно – ничего!»

А кто и летом был несчастен? Кого уже с весны носило опавшим листом по каменным плитам чужих городов? И крутятся, крутятся осенние листья – где их родина?

Как будто маленькая черноволосая колдунья взглянула на тебя, и ты увидел себя отражённым. Посмотри на этот пожелтевший пустырь – здесь когда-то стоял симпатичный дом, теперь его нет, осталась дырка и остатки фундамента, заросшие травой и мелкими кустами. Не это ли твоя душа? Да, это она...

А колдунья убежала дальше, и взгляды встреченных ею грустнеют, как будто покрываются сеткой осеннего дождя. Остановись, скажи, что дальше? Куда там, легче остановить ветер.

И лежат в душе новые могильные камни с разноязыкими надписями. Вот на одном из них надпись «...» Кто лежит под этим камнем, кто сошёл с ума этой осенью? Не скажу.

Не остановит темноволосую колдунью ни взгляд, ни рука. Остановит чёрная стрела с золотым оперением.

* * *

Они проявят дежурную заинтересованность. Выпьют чаю, угостят портвейном. Но надолго не задержатся. Их интерес там, в твоей комнате, где они останутся вдвоём, и это чувствуется в каждом слове. А значит снова тебе узнавать в кухонном окне хрустально-алый восход и дёргающую резь неизбежного одиночества.

* * *

И тогда вечером зазвонит телефон.

– Чем занят?

«Да чёрт его знает – старением», но в трубку брякнешь другое, например:

– Надолго приехал?

А ответ не запомнится.

Дождь и снег ломали твои стены. Ветер грыз окна. Тополь весной прятал луну.

Это звонок из твоей молодости. Он жив, голос площадей. Дети пойдут своей дорогой.

А их дети спросят: «Что ты видел, отец?»

Ты приезжай, парень. Найдётся хлеб и глоток рома. Приходи к нам в город. И ты придёшь, потому что земля круглая. Я это видел.

Здесь появляется второй автор этой книги, которого зовут Кота. Вот, что он рассказывает о себе:

“Я родился на Мадагаскаре в семье бенгальских тигров. В середине 16 века был взят на португальское судно на должность кота. Ходил по всем морям, дружил со знаменитым пиратом Френсисом Дрейком.

В 20 веке плавал по Балтике. И вот однажды в одном из портовых кабаков встретил Сеню Скорпиона. С тех пор мы не расстаёмся. А длинными зимними вечерами часто сидим у камина и рассказываем друг другу разные истории”

НА МАДАГАСКАРЕ (Из рассказов Коты)

В Индийском Океане дело было. У одного голландца груз яванского батика оприходовали. Куда с ним деваться – пошли на Мадагаскар, там тогда королевство Хова было. Только вот продать без Высочайшего соизволения – никак.

А где король? В отъезде, недалеко, правда. Погода жаркая, а возле моря на берегу ручья у него усадёбка. Потопали за разрешением – помощник, два матроса, ну и я. Народ, соответственно, не слишком дружелюбно смотрит. Сидим, ждём приёма и чувствуем – сидеть нам долго придётся. Как вдруг изнутри визг страшный. Я мимо стражи промелькнул, а там – изрядный обезьян.

Увидал меня, и чем-то я ему не понравился. Стены материей обиты, я по ним скачу, соображаю – не улизнуть. Изловчился, и этому орангу на загривок. Тот не понял в чём дело, но видать струхнул и дёрнул.

Выскакивает на двор и, мимо всех, к лесу. Держу, не отцепляюсь. Народ в стороны, королева что-то по мальгашски верещит!

А как в лес забежал, видать, до этого человекопредка дошло, стал по земле кататься. Я отцепился и на дерево, тот за мной.

Только куда ему. Пока залезал, я уж обратно мчался. Ещё и собаки навстречу. Где они до этого были? Матросы-то собак отогнали.

Понятно, нам и разрешение выдали, и обедать пригласили. А потом медаль выпустили, на ленте её надо носить было, с тигром на аверсе. Только откуда на Мадагаскаре тигры? Просто медаль с котом не геральдически выглядит.

ВЕСЕННИЙ РАССКАЗ (Из рассказов Коты)

Однажды в мае мы с Рыжим и Серой Киской, как всегда по весне, сажали одуванчики. Вдруг прибегают напарник мой, весь злой и взъерошенный, и мяукает, что тут один селянин на него собак спускает. В буквальном смысле – мол, не нужны мне твои одуванчики, от них проку никакого, тут капуста должна расти и прочий съедобный овощ. Рыжий аж присел – как не нужны одуванчики – это же такие солнышки в зелёной травке, ну очень красиво! А абориген ни в какую – пошёл прочь, сейчас собак позову, они тебя на клочки порвут, а из твоего хвоста себе для обуви чистилку сконстролю.

Я подумал недолго и говорю:

– Вот что мы сейчас сделаем...

Забор у того персонажа был как раз нужной величины. Ну и пошёл я по этому забору, нарочито, не торопясь, издалека видно. Собака выскочила злющая-презлющая, лает, прыгает, зубами совсем рядом щёлкает, а достать никак не может. Ещё посередине пути присел, помылся, вдаль глядя. Хозяин местный чуть на свежую грядку не сел от такой наглости, и сам, не хуже своего пса, на меня бросился. Особо дожидаться его не стал, махнул на прощание хвостом и был таков.

Рыжий в тот же час с другой стороны прокрался и всю сумку с семенами там высыпал, в общем, работу свою сделал. А мыши тем временем ещё и крапиву ему под крыльцом посадили. Очень стрекучую.

ПРО МУЗЫКУ (Из рассказов Коты)

Пошёл я как то раз в гости к Медведику. Он в лесу живёт, шкура у него толстая, местных комаров не боится. Мне так иногда, особенно по весне, знатно от них достаётся. Летом мы очень заняты, трудно встретиться, а по осени, когда комар не так жесток, я часто к нему под вечер забегая, ром попиваем, всякую болтатю разговариваем.

И вот как-то речь о музыке зашла. Не то что б Медведик в этом совсем не смыслил, но вдруг начал утверждать, что в исполнении самое важное – это громкость, этакое пафосное напряжение. Я с ним, понятно, не согласился.

– Видишь ли, – говорю, – звуковой форсаж, понятно, иногда нужен, но всё-таки, главное – некая проникновенность, можно сказать, чувственная выразительность.

Косолапый стал возражать, что и при всём вышеизложенном децибел добавить весьма не помешает.

– Ну как ты, бурая твоя башка, тонкие нюансы передашь, коли в ушах зашкаливает?

– А просто надо их как раз контрастней делать, выразительнее...

В общем, пошли мы мнением селян поинтересоваться. Устроились в заросшем овраге, рядом с околицей.

– Ну, начинай, – молвит Медведик с некоторым ехидством, ещё бы – зритель не собрался, кто оценивать будет?

Ладно, думаю, ничего – звук под ночь далеко разносится, справлюсь. И запел песню ласковую и грустную, осеннюю такую. Про то, как листья падают, а ветер воспоминания тревожит, что звёзды ярче по осени и всё зовут куда-то мечтой неявленной, что ночи всё длинней, а подруга в город уехала, и потому на душе так не складно.

Народ как-то заинтересовался, стал ближе к оврагу сдвигаться, между собой переговариваются:

– Знатно котька голосит, печально так...

Я совсем тихим вибрато закончил.

– Теперь ты давай, – шепнул своему приятелю, а сам думаю: «Экий хитрец, публику-то я ему уже собрал, будет перед кем блеснуть».

Вот Бурый артистическую паузу выдержал и рванул с места в карьер, реально очень выразительно.

Только слушатель, видать, как-то неправильно понял, попятился, а потом и вовсе разбежаться начал. «Караул» при этом кричат, ну типа того, что не нужно им такое пение, лучше дома посидим, орешки погрызём, телевизор посмотрим.

Медведик с тех пор не слишком уговаривается что-нибудь исполнить, разве что после не хилой рома. Мол, не слишком у меня складно выходит, я себе, говорит, на ухо наступил.

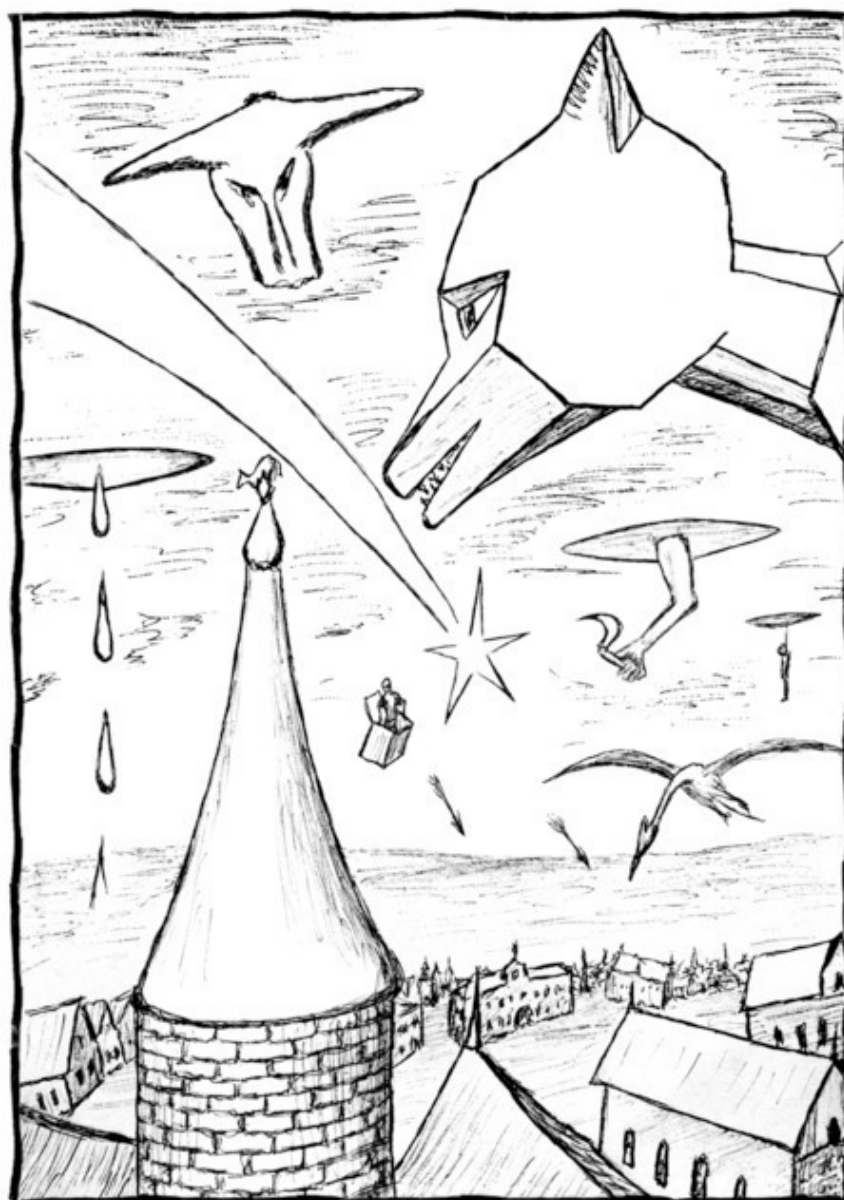

ТАЛЛИН

Это было чудесное время. Конец августа, ясный и светлый, прозрачный и чуть-чуть задумчивый. Создавалось впечатление, что окружающие пейзажи существовали абсолютно вне времени, будто уже нанесённые на живописные полотна или запечатлённые на фотографии. Таллин. Один из драгоценных камней Балтики, по-своему самобытный и неповторимый. Не просто точка на карте, место с которого у многих начиналась Большая Дорога, а у других заканчивалась. Но не совсем, конечно. Просто приходила пора вернуться в свои города, временно распрощаться с разноплеменными обитателями дорог и центральных площадей.

На горке возле Оливеста всегда присутствовал кто-то из знакомых. На этот раз встретила небольшая компания из Москвы, специально приехавшая сюда попить вина, пройтись по старым улицам, просто пообщаться с достойными людьми. Бутылочка была уже при них, приглашение не заставило себя ждать. Было весело, но не из-за выпитого вина, а от ощущения свободы, столь редкой для обитателей земли.

Вдоволь насмеявшись, ребята пошли бродить по городу. Я нагулялся уже с утра, посему не составил им компании, тем более, что на горке замелькали другие знакомые персонажи, с которыми тоже хотелось перекинуться парой слов. Беседовали в основном о том, что было летом, кто где побывал, и какие приключения случались на дороге. Больше всего позабавил рассказ литовцев, которых задержали на окраине Донецка. Ещё бы! Явно не местные, говорят на иностранном языке, ну точно – шпионы. Местная публика проявила бдительность, и милицейский наряд прибыл весьма оперативно. Инцидент закончился мирно, хотя во всех цивилизованных странах принято, что если ты попадаешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

Почему-то я решил выпить ещё полстаканчика вина, только вот денег в кармане явно не наблюдалось. Может, угостит кто? Игорь Еропкин указал на одну из девиц:

– Посмотри, она не сводит с тебя взгляда.

Добро, пойдём поболтаем.

Новую знакомую звали Ира. Беседовала она свободно, за словом в карман не лезла. Через некоторое время Игорь предложил пойти на смотровую площадку. «Только вот, – добавил он, – наверное, надо с собой немного винца прихватить».

Мы полезли в карманы, вынув какую-то мелочь. Ирина тут же без лишних обсуждений добавила нам недостающую сумму.

Искомая площадка была излюбленным туристическим местом. Действительно, город красных крыш и островерхих церковных зданий просматривался до самого горизонта, поражающая взгляд причудливой мозаикой старинных улиц. Посетителей почти не было, лишь иногда

забегали небольшие группы, тут же переходившие на общение вполголоса при виде столь чудной панорамы. Здесь обитала тишина.

В моей сумке обнаружилась книга антологии русской поэзии начала двадцатого века. Не торопясь, по очереди мы выбирали оттуда любимые произведения, читали их вслух.

Потом наступил хрустальный вечер. Мы спустились вниз, Игорь убежал по своим делам, оставив нам недопитую бутылку вина. Собственно, пить не хотелось. Не стоило портить столь изумительных моментов, что навсегда остаются в памяти, не дают снивелироваться до безмозглого уровня.

Мы не спеша двигались в сторону Иринино дома. Она жила в Мустамяэ, по Таллинским меркам далеко, но торопиться было некуда. Я не собирался пользоваться не очень скрываемой симпатией к своей персоне и закручивать курортный роман. Ничто так не держит поведение в рамках, как хорошее воспитание. А потом – ну что мне можно было предоставить моей знакомой, кроме нескольких проведённых вместе вечеров?

И мы встречались каждый вечер. Ездили в Кадриорг, уходили далеко-далеко по Пярнускому шоссе. Светло и романтично. И ещё приходили поболтать с нашими знакомыми, весёлыми и немного шумными. У Ирины был свой парень, но она тут же прекратила с ним относительно близкие встречи. Не скажу, чтобы мне это льстило. Но не моё дело диктовать, как кому надо поступать.

А вечерний город обнимал нас, принимая как частицу своей древней и непонятной души. И удивлял своими мелочами. Чугунными украшениями на зданиях, тихими кофейнями, золотыми и красными осенними цветами в парках и скверах. Звуками площадей и дремотных улиц, где каждый шаг порождал чуткое, чуть дрожащее эхо. По вечерам мы нежножимали друг другу руки, договариваясь о встрече на следующий день.

А потом наступило расставание. Ирина уезжала учиться в Калининград, да и мне было пора подумать о возвращении в Москву. Ждала работа. Нудная и бессмысленная, но обязательная по закону.

И вот автобусная остановка. Мы тихо стоим в стороне. Слов мало, да и о чём говорить? Что ещё встретимся? От этого в нашей широкой узкой компании не уйти. А вот когда? Об этом и Покровитель дорог, наверное, не знает. И вот объявление на эстонском и русском о том, что нужный автобус прибыл. Ирина берёт меня за руку и вдруг с громким, абсолютно несдерживаемым плачем утыкается в плечо, обливая меня водопадом слёз.

Я, конечно, понимал, что налетел на большую любовь, старался не ранить, ибо рана могла быть глубокой и незаживающей. Но нарвался на чувство просто всепоглощающее, требующее меня всего, без остатка, до последней капли. И это было страшно, как удар молнии.

А Ирина не могла успокоиться, лишь прижималась мокрым и покрасневшим лицом и бесконечно повторяла моё имя. Для неё мы расставались навсегда. Я только тихо произнёс, что буду помнить её всегда, до самой смерти, и это была правда.

Автобус уехал. Было больно, очень больно, и уже неизвестно, чьи слёзы были на моей щеке.

Она приезжала в Москву, но меня в тот момент в городе не оказалось. Поэтому мы встретились только через два года в Таллине, на той же самой горке у Оливеста. У неё был парень, которого она мгновенно бросила, уведя меня на длинную двухнедельную прогулку, по-своему красивую и наполненную. Только жгло впечатление, что мы упустили что-то очень важное, что могло изменить мир. Упустили по моей вине.

И всё-таки я не устану повторять. Не играйте с большими чувствами. Это может убить.

А Таллин моей мечты, полный голосов и знакомых лиц навсегда останется со мной. И никакие властители не в силах изменить этого.

КОНЕЦ СВЕТА

Серое предвосходное небо освещало мягким светом разрушенные здания, разломанные стены, разорванную и развороченную арматуру. Сквозь потрескавшийся асфальт мостовых прорастала трава, почти полностью закрывая серые камни. Между крупных обломков тихо качались от ветра цветущие маки.

По бетонным плитам, заросшим мхом, двигались две фигуры – мужская и женская. Держась за руки, они ловко перепрыгивали через различные препятствия из строительного мусора.

Мужчина был одет в брюки из прочного материала и в поношенную куртку. Обут он был в походные ботинки. Нижнюю часть лица закрывала мягкая недлинная борода. Светлые выющиеся волосы спадали на плечи. Его подруга носила накидку из светлого меха.

– Джейн, – окликнул её мужчина, – посмотри, что я нашёл.

В его руке блеснул на солнце небольшой металлический предмет. Джейн, забежавшая немного вперёд, подошла к нему. В руке мужчины лежала зажигалка.

– Зачем она тебе? – молодая женщина недоуменно пожала плечами. Чёрные прямые волосы, колеблемые ветром, мягко спадали на грудь. – Ричард, зачем она нужна?

Мужчина поднял голову:

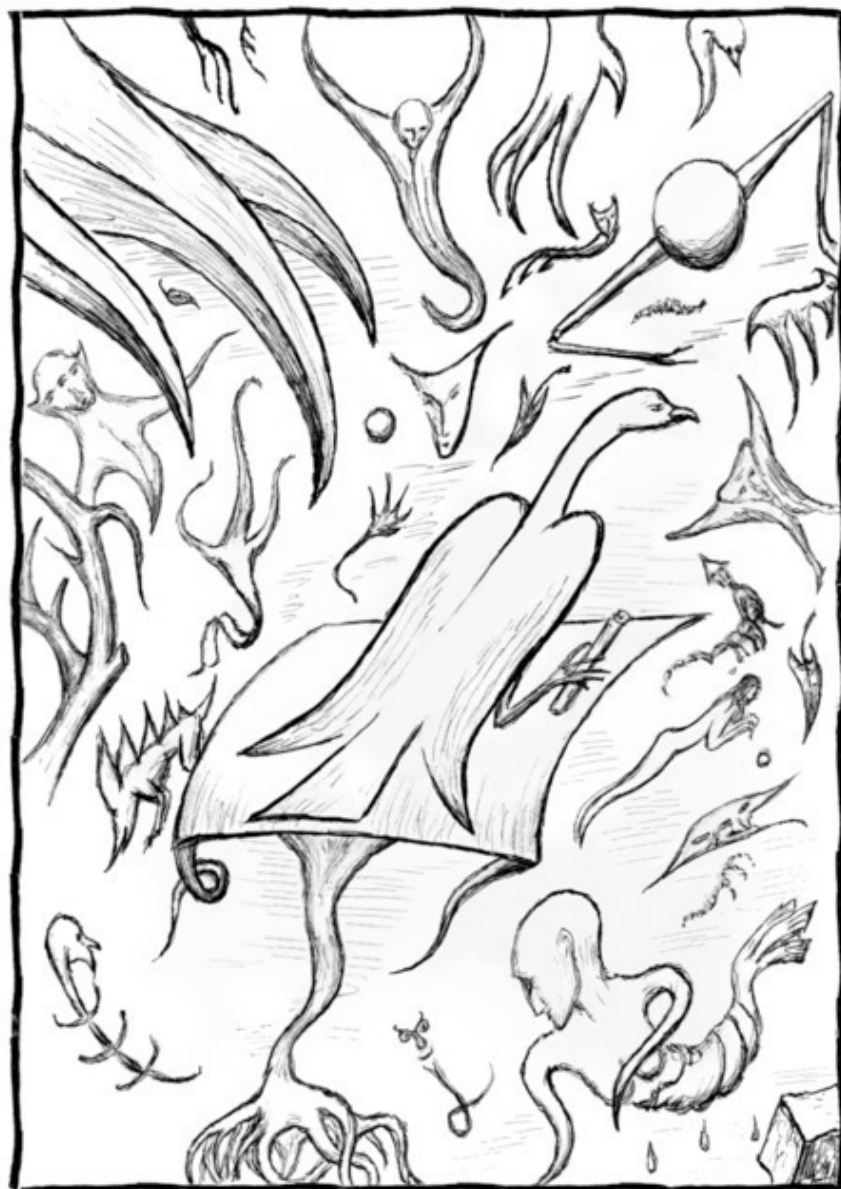
– Здесь когда-то был большой город. Здесь было много, много людей. Они носили серые шляпы и жили в серых тёмных домах.

Глаза Джейн заволокло туман:

– Они все были одинаковые. Все в серых плащах и серых шляпах. А ведь не бывает двух одинаковых деревьев, двух похожих скал... – она тихо коснулась его руки. – Посмотри, Ричард!

Ричард обернулся. К горизонту уходила зелёная равнина. В изумруде травы ярко горели красные пятна цветущих маков. А над землёй восходило солнце. Яркое солнце нового мира.

ПРО КОТОЕДА (Из рассказов Коты)

...Медведика дома не оказалось, наверное, на дальнюю пасеку пошёл. Я и подумал – день погожий, в самый раз по лесу прогуляться, ну и двинул, куда глаза глядят. Белки скачут, бабочки разноцветные мельтешатся, а уж от цветов дух такой, что мяукать хочется. Уж не знаю, долго ли шёл, только вдруг полянка передо мной маленькая, но очень уютная. Вокруг лес разнотравный, ветра нет, букашки стрекохот, и то так тихо, лениво. Я на пенёчке расположился, хороший такой пенёк, солнцем прогретый. Задремал, а потом и совсем заснул.

Проснулся блаженный, уже смеркаться начинало. Ну, так ничего, в июне ночи короткие, да и мне ли темноты бояться. А тут смотрю – мышка шевелится. Да смешная, глазки бусинки, на хвосте бантик розовый повязан. И начал я с ней играть. Она неожиданно такая шустрая оказалась – вроде совсем уж поймал, а она юрк в сторону и за дерево прячется. Подбегаю, а мышка уже за другим деревом. Нет, думаю, так сразу не поймать. Сделал я вид, что надоело мне гоняться. Сел, как будто в другую сторону гляжу, она рядом на грибочке уселась и вроде язычок мне показывает, дразниться. Ночь опустилась, тёплая, июньская. Повернул голову в сторону мышки, но так, будто она мне вовсе не интересна. Да только вижу, на хвосте у неё не совсем бантик, от него верёвочка тянется, тонкая, незаметная. Во, думаю, хорошо. Сейчас верёвочку лапкой прижму, ну а там – посмотрим.

Только всё по другому вышло. Не успел я до верёвочки допрыгнуть, как вдруг в какой-то сетке оказался. Пошевелиться могу, а вот освободиться – никак. И тащат меня неизвестно куда, да так, что только боками пеньки считаю. Подтащили к дереву огромному, в нём дупло... Подвесили мою ловушку и вроде затихли пока.

Оглядываюсь, и ужас меня одолевает. Вокруг темнота, и косточки котёвые валяются. Дошло, что в этом дупле страшный котоед живёт, и похоже, я к нему на ужин угодил.

Эко, думаю, плохи мои дела. Но зря метаться и паниковать не стал. Силы поберечь надо, мало ли что.

Долго ли, коротко, затягивает он сетку в дупло, а там к потолку подвешивает, но не слишком высоко, так, что я у него где-то на уровне пояса болтаюсь. Грязновато, уже не знаю, когда в последний раз уборку делали. Зато ножи и вилки, котлы, сковородки в полном порядке. Котоед вслух рассуждает:

– Худоват малость, но ничего, сойдёт.

Ну я резко возмутился:

– Худоват?! На себя посмотри. Вон шерсть вылезает, видать, витаминов совсем не жрёшь. Он на меня уставился, видать, замечание в точку попало.

– Да где ж я тебе здесь витамины возьму? Капуста в лесу не растёт.

– Капуста – нет, а вот крапивные щи вполне бы мог сварганить.

Котоед на меня с интересом воззрился:

– Это как?

– Да так, не знаешь что ли, что в молодой крапиве витаминов выше крыши! Верхушки у неё срезаешь, крошишь и в котёл при варке добавляешь. А что стрекохотая, так перед тем как резать, кипятком обдать надо.

Котоед задумался, потом схватил огромные ножницы и куда-то скрылся. Вернулся с изрядной авоськой молодых крапивных листьев. Котёл нехилый на огонь поставил (видать, в ближайшей болотинке наполнил). Сел, ждёт, когда закипит.

– Эй, – кликаю его, – а можно я перед смертью спою малость?

– Валяй, – отвечает, – только не слишком громко.

Ну, не громко, так не громко. Пою про бури и корабли, в такт раскачиваюсь. Грустно, конечно. Вода закипать собирается, пар пошёл.

Вдруг как закричу:

– Эй, да у тебя там лягушка!

Этот облезлый резко над котлом склоняется:

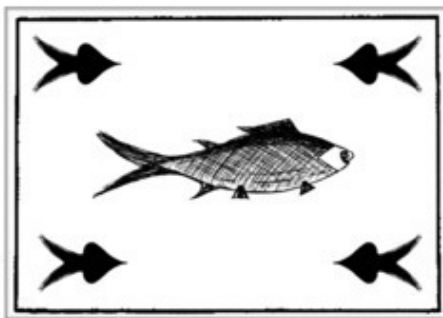
– Где?

Ну я качнулся в его сторону и всеми когтями ему по заднице. Тот как заорал, да не удержавшись в котёл и брыкнул. Тут он уже взвизгнул так, что у меня чуть уши не отлетели. Правда, недолго это продолжалось.

А дальше раскачался посильней, чтобы до ножа дотянуться. Не сразу, но распилил сетку. Покинул ужасное жилище и бегом к востоку. Почему к востоку? Ну, чтобы солнце быстрее встало.

Кота на минутку задумался, потом промолвил:

– А знаешь, что там самое страшное было? Удочка с сосисками. Чтоб глупых котов ловить.

НА РЫБАЛКЕ (Из рассказов Коты)

Как-то решили мы с Медведиком на рыбалку двинуть. Проснулись пораньше, позавтракали... Но тут выяснилось, что у косолапого удочки нет. Хотел я ему тонкий ивовый ствол срезать, но Мишка сказал, что такой размер ему несподручен, точнее несподлапен. Выбрал он себе дерево дубинообразное. Пока его рубили, да ветки срезали – время прошло, солнце уже высоко поднялось. Но раз решили – надо идти. Удочки на плечо, прочие причиндалы по рюкзакам, потопали.

На берегу речки красиво так. Трава мягкая, цветочки жёлтые, букашки пёстрые бегают. Ветер уже стих. Беда, поздновато уже для утренней рыбалки.

Закинули удочки, сидим, на поплавки смотрим. Солнышко светит. Рыбка не клюёт, только стрекозы на поплавки присаживаются. Посидят – и дальше, куда им там надо. Дремотно так, я даже прилёг. Потом думаю, дай-ка червяка побольше нацеплю, крючок поглубже настрою, да и леску закину подальше. А червяк какой-то странный попался – такой пёстренький толстый. «Наверное, вкусный очень», – подумал я и не прогадал. Почти сразу поплавок вниз пошёл, удочка изогнулась, а потом и вовсе из лап вырываться начала. Схватил её крепче, но не устоял и вслед за удочкой в воду, на глубину. Плыву, лап не разнимаю. Скоро впереди, где-то внизу свет неяркий обозначился. Ближе – вроде дворец какой-то, ракушками да водорослями изрядно украшенный. Ворота открылись и сразу закрылись за нами следом. Мимо стражи, из раков состоящей, во внутренние покои проникаем. Нас два окуня встречают. Меня сразу какой-то клетью накрывают, а рыба из-за которой я здесь очутился, докладывает – мол, так и так, знатного червя изловил для царской кухни, а в придачу – зверь чудный, доселе в водах наших невиданный. Тут и сам царь выходит в короне, с трезубцем, только вместо ног – хвост рыбий. Повелевает – червя деликатесного на кухню доставить, а со зверем сейчас разберёмся.

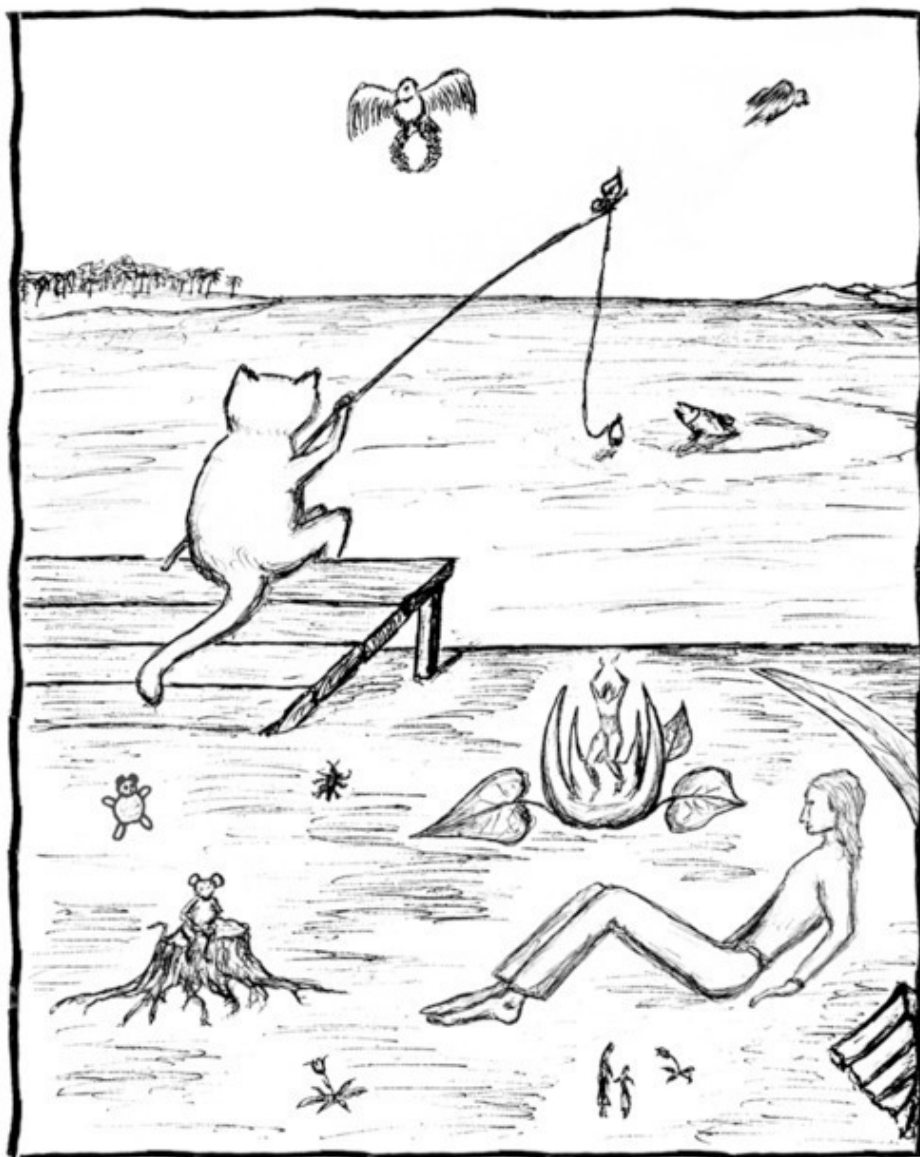
Вдруг боковая дверь отворяется, выплывает красавица рыбохвостая и ладошками всплещивает: «Ой, папа, что за зверушка такая дивная». Отец с достоинством отвечает: «Эта живность в надводном мире обитает, котом называется, а славится голосом знатным – нежным и певучим». «Ой, – опять восхищается принцесса, – давай его в моей светёлке в золотую клеточку посадим, пусть он песенки поёт, меня и гостей моих развлекает. А кормить мы его ракушками придонными будем и водорослями тёмно-зелёными».

Очень мне такая перспектива не понравилась, да мнения моего никто спрашивать не стал.

И точно – уже клетку золотую волокут, замочек на ней отпирают, дверцу настежь отворяют. «Беда, – думаю, – как бы не пришлось всю жизнь ракушки грызть, да мяукать гостям на потеху». И как они меня из одного узилища в другое перегонять начали, извернулся, у кого-то между хвостом раздвоенным проскочил и такого стрекача задал! По комнатам, коридорам, мимо стражи внутренней, рыбной. Те и глазом моргнуть не успели (Ой, а разве рыбы моргают?). Вот только думаю, как из ворот замковых выбраться? Да тут повезло мне несказанно. Ворота отворены были – делегация какая-то чужеводная прибыла с подарками от царя тамошнего. Проскочил мимо них, скорее к берегу спасительному. Вроде и погоню какую выслали, да не успели они. На сушу выбрался, упал без сил, да и сознание потерял.

Очнулся – солнце уже к вечеру, Медведик надо мной хихикает: «Ну и спать ты здоров, тоже мне, рыбак называется, даже удочка у тебя уплыла». Не стал я с ним спорить, небось сам моё отсутствие проспал на солнцепёке. «А ты сам, – спрашиваю, – наловил чего?» «Ага», – говорит и на ведёрко показывает. А там мелкие, мелкие пескаррики бултыхаются. Смешно мне стало – удочка на бревно смахивает, крючок подходящих размеров, а добыча – хоть в лупу разглядывай. Ну да ладно, хоть такая. Потом, правда, бурый рассказывал, что рыбищи-то весьма

приличные были, и лапы с каждым разом, что размер улова показывали, всё шире и шире раздвигал.

REAL LIFE 3

«Вставайте, вставайте, уже утро», – местная жительница с лёгкой неприязнью смотрела на небольшую компанию, ночевавшую на верхней бесквартирной лестничной площадке.

Вставать, так вставать. Спорить не стали. Похватали сумки и оперативно покинули временный приют, не дожидаясь осложнений.

Город встретил ярким солнечным светом позднего утра. Итак, на место встречи...

Собственно, начать надо было со вчерашнего вечера. А может, и ещё раньше.

Наша разноплемённая компания попала на небольшой латышский хутор возле Сигулды. Хозяин – весьма специфическая личность. Латышский легион, Люфтваффе. Отсидел, жил довольно тихо. Что-то выращивал, гнал самогон в малых количествах, угощал. И выпивкой, и закуской. По-русски говорил без напряжения (видать, Сибирь научила). Прекрасно понимал разницу между русскими и советскими, и наша компания – москвичи, латыши, цыганка и поляк – весьма подходила хуторянину для длинных неспешных бесед. Но всё когда-то заканчивается.

Итак, снова Рига, встречи, планы. На следующий день, кто мог, решил дёрнуть на Лиепайский музыкальный фестиваль. Это двести с чем-то километров, не так далеко. К вечеру, уже едва держась на ногах, двинули на ночлег. Леонардо как-то показал рокерский подвал с весьма сложным лабиринтообразным проходом, где и решили обустроиться. Сказано – сделано. Заснули моментально.

Но не тут-то было. Неожиданно оказалось, что этим подвалом решили воспользоваться не только мы. Около полуночи появился Дато с Янкой. Увидев, что место занято, они посоветовались и двинулись в другое место. Опять мгновенно проваливаясь в сон, и опять ненадолго. Зажигается свет, на пороге Гурам с Илонкой. Грузинское нашествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.